

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Е. В. Волжениной «Феномен массовой культуры в восприятии русских символистов конца XIX – начала XX века», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Тема, избранная Екатериной Викторовной Волжениной для исследования, звучит довольно неожиданно. Диссертантка предлагает по-новому взглянуть на Серебряный век, заостря внимание на том, что эта культура, элитарная по своей сути, неразрывно связана с процессами массовизации общества. На первый взгляд, автор пытается сопоставить «две вещи несовместные»: с одной стороны – утонченный, сложный, обращенный к высшим материям символизм, с другой – вульгарный, примитивный, приземленный масскульт. Однако оба эти явления сформировались в одну и ту же эпоху, каждое из них по-своему ее выразило, а значит, они с неизбежностью коррелируют друг с другом. В этом направлении диссертантке удалось открыть интересные исследовательские перспективы.

Необходимо отметить, что тема диссертации не просто отличается новизной, не только имеет научную значимость, обусловленную ее малоизученностью, но и по-настоящему актуальна. Современное общество все еще ищет ответы на вопросы, которые так и не были разрешены на рубеже XIX–XX столетий. До сих пор не утратила своей общественной значимости проблема соотношения массы и личности, далеки от завершения поиски оптимальной формулы общественного устройства, при котором интересы личности не перерастали бы в эгоцентризм, а интересы общества не стирали бы индивидуальности. Череда общественных напряжений последнего времени вновь ставит общество перед выбором: согласно ли оно пребывать в состоянии бездумной, легко манипулируемой

массы или предпочитает состоять из самостоятельно мыслящих индивидов, способных к созиданию, к сознательному преобразованию неудовлетворяющих условий жизни, а не только к разрушительным действиям или бесплодному протесту без каких-либо конструктивных предложений. Русские символисты поставили вопрос о характере взаимодействия личности и социума в контексте массовизации общества задолго до концепций Х. Ортега-и-Гассета и представителей Франкфуртской школы. Их культурософские опыты и житнетворческая практика заслуживают серьезного научного осмысления. Этому и посвящена рецензируемая работа.

Исследовательское внимание диссертантки сосредоточено не на вопросах искусствознания и литературоведения (как могло бы показаться, учитывая, что объектом исследования является символизм), а на проблематике миропонимания и состояния общественного сознания определенной социальной страты в обстоятельствах социокультурной трансформации общества. Предмет исследования обозначен автором как «взаимоотношения, в которые вступили символизм и массовая культура» (с. 4). Стоит отметить, что эта формулировка точнее отражает содержание диссертационного исследования, чем вынесенная в заглавие тема. Автор затрагивает в работе широкий спектр вопросов, не ограничивающийся только символистской рецепцией масскульта. Диссертация состоит из введения, включающего в себя обоснование актуальности, новизны, значимости работы, а также историографический и источниковедческий обзоры, трех глав, заключения и библиографического списка. Структура работы логична и отвечает поставленной цели, то есть стремлению «определить, как русские символисты восприняли, осмыслили явление массовой культуры, отреагировали на него и повлияли на его развитие» (с. 4). Также предложенная автором структура позволяет решить поставленные в исследовании задачи, а именно: произвести анализ теории русского символизма, созданной как оригинальный ответ на

происходившие в обществе и культуре и очевидные для символистов процессы массовизации, изучить, как воспринимал символизм различные элементы массовой культуры и какое влияние оказывала последняя на разнообразное творчество символистов, главным образом, жизнетворчество, исследовать, каким было значение достижений символизма в области массовой культуры для футуристов и, позднее, Владимира Маяковского, а также попытаться определить вклад русских символистов в развитие массовой культуры в целом.

Исследование Е. В. Волжениной построено на обширном корпусе разноплановых источников. Источники диссертационной работы разнообразны как в плане тематики, так и в видовом отношении. Это вполне понятно, и надо сказать, что без привлечения именно такого круга источников данная работа ввиду поставленных в ней специфических задач, вряд ли бы могла состояться. К источникам относятся эссе, статьи и прочие документы «теории символизма», принадлежащие Андрею Белому, Д. С. Мережковскому, Вяч. И. Иванову; публицистические источники – статьи и сборники статей Д. С. Мережковского, статьи и заметки З. Н. Гиппиус, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, отдельные произведения Вяч. И. Иванова; литературная критика, разбирающая произведения и выступления символистов и футуристов. В отдельную группу автором выделены и проанализированы манифестарные произведения, создававшиеся как символистами, так и футуристами, разъяснено различие между ними – большая агрессивность, компонент эпатажа и прочие особенности футуристских манифестов, листовок, газет, что отражает возрастание ориентации на коммерческое искусство. Задействованы в исследовании и источники личного происхождения – мемуары, дневники, переписка символистов, близких к ним персон, а также футуристов.

Автор демонстрирует хорошее владение историографической ситуацией вокруг заявленной проблематики, привлекая широкий круг исследовательской литературы, как отечественной, так и зарубежной, в

том числе непереваемой. Историографический раздел работы подтверждает то, что данная проблема является новой для исторической науки. При этом автор демонстрирует определенную степень изученности своей темы. Центральная проблема исследования не была специальным объектом изучения, но сопряженные с ней вопросы и проблемы поднимались и продолжают разрабатываться в трудах ученых и в России, и за рубежом. Обзор научной литературы построен по проблемно-хронологическому принципу. В первой его части автор характеризует работы, где символизм исследуется в качестве общественно-значимого феномена, как особый способ мировосприятия, свойственный изучаемой эпохе. Диссертанткой справедливо отмечено, что исторических исследований символизма крайне мало, в то время как изучение этого направления как факта отечественной истории необходимо для составления более полного впечатления о периоде конца XIX – начала XX вв. Во второй части историографического раздела автор дает анализ исследований, посвященных житнетворчеству русских символистов. Надо заметить, что научная литература по данной проблематике отличается очень большим объемом, превосходящим тот, что охарактеризован в диссертации. Поэтому довольно разумным представляется сосредоточенность автора на трудах, на страницах которых так или иначе поднимаются вопросы, связанные с массовой культурой. Третья часть обзора литературы посвящена работам о значении мифа для символистской теории и практики и месте неомифологического сознания в структуре массовой культуры. Следует отметить, что эту часть можно было бы расширить.

В первой главе анализируются теоретические идеи русского символизма, связанные с поисками решения обострившейся проблемы взаимоотношений личности и социума. Автор описывает как представления символистов об обществе, так и те предложения обществу, которые ими были выработаны и сформулированы. В главе разбираются

типы социальных моделей, созданные символистами, с помощью которых они характеризовали обстановку текущего дня и давали свои конкретные рекомендации для создания здорового общества, лишённого как крайнего индивидуализма, понятого символистами как бесплодный эгоцентризм, так и тотального подчинения личности во имя чего бы то ни было. В главе представлен обобщённый идеал личности «по символистам», указано, что творческое начало в человеке всеми без исключения символистами ценилось наивысшим образом. Автор верно выявляет философские корни символистских концепций «жизнетворчества» и «человека-артиста», прослеживает их становление и развитие, резонно интерпретируя культурный проект символизма по воспитанию творческой личности как альтернативу негативным процессам массовизации общества и ответ на кризис традиционного сознания.

Во второй главе рассматриваются взаимопересечения символизма и массовой культуры в практической плоскости. Достаточно много места уделено реакции символистов на тиражирование и неизбежное в его ходе снижение высоких идей и философских оснований элитарного литературного направления. Создается картина единодушного неприятия, лишь более или менее четко выраженного у того или иного символиста, которое поэты проявили по отношению к отдельным элементам массовой культуры. Помимо этого показано, что неодобрение символисты выражали и по поводу того, как их собственные произведения, прежде всего художественные, но также и т.н. «теория символизма», были прочитаны и восприняты в сравнительно широких кругах. В то же время, автору удалось вскрыть неоднозначность роли символистского движения в культурных процессах конца XIX – начала XX века и найти убедительные доказательства того, что символисты, вопреки собственным теоретическим постулатам, сами участвовали в развитии культурной индустрии, в создании и популяризации элементов массовой культуры, что относилось не только к художественным образцам, но и к моделям поведения. В главе

подробно разбираются конкретные примеры таких моделей, говорится о том, что одной из целей их создания было убрать преграду между искусством и жизнью, что, в частности, проявлялось в отказе от различения сценического и повседневного облика. Подчеркивается, что модели творческого поведения – имиджи или протоимиджи, выработанные с замыслом воплотить идеи жизнотворчества, – могли выполнять и выполняли в итоге совершенно иные функции, а именно – привлечение публики и популяризацию символизма. Избегая упрощенных схем и отказавшись от привычных штампов, автор предлагает взглянуть на культурную элиту Серебряного века как на обычных людей, которым не было чуждо ничто земное. В главе наглядно показано, что символисты не только были «жертвами» массовой культуры, опошлявшей их творчество, но и сами умело использовали ее механизмы в целях, не имевших ничего общего с духовным совершенствованием действительности. Из наблюдений автора складывается более многогранная, чем прежде, картина русского символизма и Серебряного века в целом.

В третьей главе описываются формы и способы практического претворения жизнотворческих идей в массовой культуре уже после угасания символистского движения. Автор вполне обоснованно характеризует перформансы футуристов как продолжение символистских опытов жизнотворчества в части разработанных ими моделей поведения и техники создания имиджей. Не ограничиваясь простой констатацией данного факта, диссертантка справедливо отмечает заметное усиление на этом этапе истории модернизма тенденции к коммерциализации творчества и на конкретных примерах убедительно доказывает, что эпатажные эскапады футуристов не просто размывали границу между искусством и жизнью, но являли собой сознательные приемы привлечения внимания (и кошелька) массовой аудитории к своей творческой деятельности. Особого внимания автора работы удостоился Владимир Маяковский, продолживший дело футуристов в плане внесения и

использования элементов массовой культуры и после того, как и русский футуризм утратил былую популярность начала-середины 1910-х гг. В заключительной части главы диссертантка, стремясь подвести итог и определить вклад символистов в развитие массовой культуры, приходит к выводу, что таковым можно считать открытие ими универсальных конструкторов сознания, позволившее преодолеть кризис традиционного религиозного сознания.

В заключении подведены итоги работы, которые хорошо согласуются с поставленными целью и задачей, представлены выносимые на защиту положения. Общие выводы логично вытекают из содержания глав. Резюмирующие тезисы автора позволяют заключить, что поставленные в диссертации задачи выполнены, ее тема полностью раскрыта.

Однако не все в рассуждениях автора вызывает безоговорочное согласие. Порой диссертантка, искренне увлеченная героями своего исследования, склонна преувеличивать масштабы их влияния на мировую историю и культуру. Например, явными натяжками страдают утверждения, что символистские наработки были использованы советской властью в ходе культурной революции (с. 77), что ленинский тезис о живом творчестве масс как основном факторе новой общественности основывался, в том числе, на символистских изысканиях (с. 78), что эмансипация женщины при советской власти вряд ли бы состоялась, если бы символисты не подготовили для этого почву (с. 126). Совпадение отдельных позиций и устремлений социал-демократов, нацеленных на политическую революцию, и культурной элиты, мечтавшей о «революции духа», объясняется скорее общими вызовами и запросами исторической эпохи, чем непосредственным взаимовлиянием или идейной преемственностью этих, слишком разных, общественных сил.

Умозрительным выглядит и утверждение автора об открытии символистами (еще до психоаналитических разработок К. Г. Юнга)

символов-архетипов как универсальных конструкторов человеческого сознания (с. 6, 34, 181–183, 191). Символисты, действительно, испытывали повышенный интерес к психологическим состояниям человека. Символ выступал для них не только как творческий метод, но и как интуитивно-чувственный, нерассудочный способ постижения мира. Тем не менее, вряд ли правомерно приписывать роль архетипов символическим образам их художественных произведений, а тем более – имиджам-маскам, которые они создавали в жизни. Приведенный диссертанткой факт общения отдельных символистов с психоаналитиками, наводящий на мысль об их возможном интеллектуально-творческом взаимодействии, вряд ли может служить доказательством того, что символисты рассматривали символ именно как конструктор сознания, тождественный архетипу.

Впрочем, высказанные выше возражения носят не столько критический, сколько дискуссионный характер. Они свидетельствуют о том, что в диссертации намечается множество потенциальных направлений для дальнейших исследований в области культурной истории. В целом исследовательская работа Е. В. Волжениной вполне состоялась. Диссертантка сумела создать яркую, интересную, убедительную картину сложного взаимодействия элитарного и массового начал в культуре России в кризисный период перехода от традиционного общества к индустриальному.

Вместе с тем, при всей глубине и оригинальности представленной к защите диссертации, работа не лишена отдельных недочетов. Среди них особое внимание обращает на себя ряд вопросов методологического плана. Характеристика методологической базы исследования, данная во введении, отмечена явной неполнотой. Автор ограничивается дежурным упоминанием принципов историзма и объективности, а также лаконичным указанием на междисциплинарный подход без описания и обоснования предметных областей применения этого подхода (с. 5). Остается неясным, на какие конкретные теоретические положения опирается автор, исследуя

проблематику взаимодействия массовой и элитарной культуры.

Упоминания имен Т. Адорно и М. Хоркхаймера в историографическом обзоре недостаточно для освещения этого вопроса. Стоило привести суть научных концепций этих и других ученых в методологическом разделе.

Целый ряд замечаний касается понятийного аппарата исследования. Ему в представленной диссертации уделено явно недостаточное внимание. Главный и весьма существенный недостаток заключается в том, что на страницах работы не разъясняется содержание принципиально важных для нее терминов «масса», «массовое общество», «массовая культура». В результате этого методологического упущения в основном тексте работы за массовую культуру как таковую иногда выдаются какие-то ее отдельные стороны или косвенные признаки: демократизация искусства, коммерциализация культуры, эпигонство второстепенных авторов, китч и дурная мода на символизм и т. п. Однако механическая совокупность всех этих элементов не дает целостного представления о массовой культуре и не раскрывает ее сути. Следствием недостаточной проясненности этого вопроса становятся довольно спорные утверждения автора, порой искажающие реальную действительность. Так, трудно согласиться с предлагаемой в диссертации трактовкой символизма и футуризма как этапов развития массовой культуры (с. 133–162). Конечно, они были вовлечены в процесс развития массовой культуры, в какой-то степени принимали участие в ее сотворении, но означает ли это, что они стали ее непосредственными репрезентантами? Теургические идеи слияния художника с народом в едином творческом акте не имеют ничего общего с масскультом, так как обращены не к массе, а к идеальному образу народа, состоящего из творческих личностей, которых еще необходимо было создать усилиями художника-творца. Здесь налицо кардинальное расхождение целей символизма и масскульта. Футуристы, наиболее активно использовавшие механизмы массовой культуры (на что совершенно справедливо указывает автор), также вряд ли были ее

подлинными создателями. Как и символисты, они руководствовались, прежде всего, стремлением к духовному росту личности и пересозданию мира по законам искусства. Символизм и футуризм не формировали массовую культуру, а встраивались в нее, сосуществовали с нею в сложных пересечениях и взаимовлияниях, никогда до конца не смешиваясь. Думается, анализ связей между культурными феноменами Серебряного века и массовой культурой мог быть более структурированным при опоре на четкие дефиниции, описывающие принципиальные характеристики массового общества и массовой культуры.

Вызывает недоумение и то, что во введении не приводятся конкретные методы исследования, хотя фактически в работе присутствует разнообразный исследовательский инструментарий, включающий и нарратив, и аналитику, и компаративистику, при этом автор демонстрирует грамотное владение различными исследовательскими процедурами.

Отмеченные недостатки не снижают общего положительного впечатления о работе, не отменяют ее научной значимости. Основные выводы диссертантки хорошо аргументированы, несмотря на сделанные выше замечания. Можно уверенно говорить о высокой степени научной обоснованности выводов и заключений: как по каждой конкретной главе, так и всего исследования в целом.

Научный труд Е. В. Волжениной вносит вклад в изучение модернизационных процессов российской истории. Материалы диссертации могут иметь практическое применение: стать основой авторской монографии или учебного пособия, использоваться в исследовательской деятельности и при разработке учебных курсов по отечественной истории, истории культуры.

Диссертация Екатерины Викторовны Волжениной «Феномен массовой культуры в восприятии русских символистов конца XIX – начала XX века» представляет собой законченное самостоятельное исследование,

Диссертация Екатерины Викторовны Волжениной «Феномен массовой культуры в восприятии русских символистов конца XIX – начала XX века» представляет собой законченное самостоятельное исследование, выполненное на актуальную тему, обладающее научной новизной, содержащее достоверные научные результаты. Диссертация соответствует требованиям п. 9 Положения ВАК РФ «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Содержание автореферата адекватно отражает основные положения, выносимые на защиту, а также выводы диссертации. Результаты исследования изложены в докладе научной конференции и печатных работах, три из которых опубликованы в рецензируемых изданиях из перечня, рекомендованного ВАК Министерства образования и науки РФ для защиты докторских и кандидатских диссертаций.

Автор диссертационного исследования Волженина Екатерина Викторовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент –

доктор исторических наук,
доцент кафедры теории журналистики
и массовых коммуникаций
института «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский
государственный университет
199004, Санкт-Петербург,
1-я линия Васильевского острова, д. 26
Тел.: +7 812 328 59 96
teoria@if.pu.ru

25 марта 2015 г.

М. А. Воскресенская

Подпись руки *Воскресенской М.А.*

УДОСТОВЕРЯЮ

Заместитель начальника управления кадров *В.П. Киселева*

« 25 » марта 2015 г.

